

Новые данные о костромской топонимии

В июле 2003 г. Топонимическая экспедиция Уральского государственного университета им. А. М. Горького работала в Солигаличском и Буйском (Дьяконовский сельский совет) районах Костромской области. На данную территорию экспедиция выезжала впервые. Сбор носил фронтальный характер. В результате был собран значительный топонимический, лексический, а также фольклорный и этнографический материал (более 10 тыс. единиц хранения).

Судя по топонимическому материалу, зона освоения сконцентрирована вокруг деревень; топонимы, обозначающие объекты, расположенные на значительном расстоянии от деревни, фиксировались крайне редко. Вероятно, это связано с тем, что сельскохозяйственная деятельность явно преобладала над промысловой.

В этом регионе не раз возникали острые столкновения с внешними врагами: в XVI в. Солигалич подвергался нападению татар, в XVII – польских интервентов. Поэтому частотны легенды и предания о чужих народах, в том числе соотнесенные с топонимами. Выделяется три основных мотива:

1. Мотив военных действий, боев с татарами: ур. *Татарские* – «Татары шли разгромом на Солигалич. Там народ стал молиться образам – татар-то и победили» (Буй, Анциферово); «Битва была солигаличских мужиков с татарами... Мужики их не пустили, остановили... Там их могилы» (Буй, Афонасково); поле *Кипенка* – «Там татары были. Там бой кипел» (Солигал, Фаладино) и др.

2. Мотив клада, потерянного татарами золота: возв. *Татарский Курган* – «Говорили, что там вроде золото, ну и все копали, весь курган разрыли» (Солигал, Чепасово); брод *Татарский Брод* – «Раньше, когда татары набеги делали, тут переправлялись. По поверью, они тут золото потеряли» (Солигал, Колопатино); ур. *Черная Лыва* – «...Крест золотой спрятан, который татары с церкви сняли Вознесенской» (Солигал, Фаладино) и др.

3. Мотив татарских захоронений: ур. *Татарские* – «Бояре русские с татарами бились. Татар там захоронили со всем доспехом» (Буй, Боярское); ур. *Татарские Могилы* – «Говорят, что там есть татарские могилы... Будто они там сами себя хоронили со снаряжением вместе. То место и прозвали Татарские Могилы» (Солигал, Мартыново) и т. д.; в Солигаличе до сих пор существует обособленное Татарское кладбище – «На Татарском кладбище татар одних хоронили, а на обычном кладбище всех остальных» (Солигал, Копосово).

Все эти мотивы проявляются в преданиях не только о татарах, но и вообще о чужаках (чуди, «панах» и т. д.) [см.: Березович, 2000, 459–465]. Ср. предания о поляках: пок. *Черняково* – «По преданию, там деревни были. Во времена лихолетья, когда поляки были, они прошли той стороной и те деревни сожгли» (Солигал, Зашугомье); р. *Юрятина* – «Там польский пан Юрята затонул, и сабля эвонная золотая на дне» (Солигал, Ескино); пок. *Городище* – «Там земляные валы были; татары ли, поляки» (Солигал, Меледино) и т. д. Вероятно, можно говорить о том, что образы и татар, и поляков в этих легендах и преданиях в достаточной степени «фольклоризированы», приближены к некоему обобщенному фольклорному образу чужеземца. В одном из записанных топонимических преданий вместо поляков упоминаются даже китайцы: б. хут. *Панино* – «Были тутотки набеги, китайцы были. Бои шли у них с русскими» (Буй, Холодилово).

Среди топонимов, соотнесенных с названиями чужих народов, есть такие, по отношению к которым предание является первичным: ур. *Татарские*, брод *Татарский Брод* и т. д. Однако в большинстве случаев топоним подвергается народной этимологии, в результате чего включается в систему наименований, осмысляемых как имеющие отношение к историческим событиям: поле *Кипенка* – «Там татары были. Там бой кипел» (Солигал, Фаладино); б. д. *Кашино* – «Курган был, кашу варили, враги ходили там» (Солигал, Оглоблино); б. д. *Якшино* – «Татары завоевали, сказали “Якши!”, по их, вроде, “хорошо”, и так и назвали» (Солигал, Куземино).

Переосмысление топонима может порождать топонимические легенды другой тематики; например, ряд топонимов соотносится с действиями помещиков: д. *Балыново* – «Барыня раньше балы давала» (Солигал, Балыново); д. *Конковка* – «Жил барин в Милитино, а тут кузница была, коней ковали – вот и Конковка» (Солигал, Конковка); д. *Одноушево* – «Говорят, барин одноухий здесь родился» (Солигал, Одноушево) и т. д. В ряде случаев удалось зафиксировать несколько вариантов объяснения одного и того же топонима, например, та же д. Одноушево, по другой версии, получила свое название

благодаря тому, что в ней «одноухий святой жил» (Солигал, Груньково). Еще примеры: бол. *Верещага* – «Идешь, под ногами ветки *верещат*» (Буй, Афонасково); «Заблудятся там, дак *верещат*» (Буй, Боярское); «*Вереску* много росло, что ли» (Буй, Натальино); бол. *Акулинья Ляжка* – «Все одно болото, а тут какой-то выступ, как *ляжка* по форме» (Солигал, Высоковский); «Там баба клюкву брала и утонула, а ее Акулиной звали; потом кости ее нашли, *ляжку* как раз» (Солигал, Макарово). В целом, записанные собирателями топонимические легенды дают основания для наблюдений над фактами мотивационной рефлексии информантов.

Топонимический массив данной территории богат образными номинациями, нередко организуемыми в целостную систему. Так, например, в одной деревне были записаны следующие топонимы: поле *Марьин Пуп*, поле *Дунькин Пуп*, а также поле *Танькин Горб* (Солигал, Оглоблино). Два небольших болота, расположенных на расстоянии двух километров друг от друга, называются *Козячья Борода* и *Козячий Гребень* (Солигал, Колосово). Другим интересным примером образной системы топонимов являются номинации перекрестков дорог на территории Дьяконовского сельского совета Буйского района, где каждому из перекрестков («крестов») дано особое название: *Клюшка* (Буй, Калинино), *Лопатка* (Буй, Натальино), *Ухваты* (Буй, Калинино), *Ножницы* (Буй, Калинино) – ср. свидетельство информанта: «Дорожки у нас тут пересекаются, вот и примечаем, где эти кресты и в какой форме». Очень часто при создании образного топонима номинатор обращается к предметам быта. Яркими иллюстрациями могут служить такие топонимации, как, например, пок. *Ковши* (Солигал, Мартыново), омут *Лоханка* (Солигал, Оглоблино), участок р. *Яндовка* – «Котлованом таким место» (Солигал, Меледино), – пок. *Сапог* (Солигал, Дятлово), поле *Сарафан* (Солигал, Марково), поле *Штаны* (Солигал, Бородавицыно) и т. д. В ряде случаев для обозначения отдаленных или одиноко стоящих объектов используются так называемые вторичные топонимы: к. д. *Сахалин* – «Сахалин, как в Советском Союзе, отдельно стоит, так и у нас, три деревни – дальше тупик» (Солигал, Жилино); к. д. *Индия* – «Очень далеко, к черту на кулички, в общем, Индия» (Солигал, Корцово); б. д. *Крым* – «Шутили – один дом от деревни остался, вот и звали его Крым» (Буй, Анциферово).

Довольно частотны на данной территории поверья, связанные со святой родниковой водой; это находит отражение и в названиях ключей: родник *Святая Вода* – «Ключик был, водичка святая. Пили ее, если больной. Как выпьешь – или оздоровеешь, или умрешь» (Солигал, Меледино); родник *Изпод Алексеюшки* – «Там ключик бежит, кладбище у церкви, ключик забил из-под могилки Алексеюшки. Он святой был. 30 лет лежал – и ни одной пролежины. Что ни скажет – все сбывалось. Почитали его могилку, земельки брали» (Буй, Натальино) и т. д.

Субстратные названия исследуемого региона немногочисленны, что свидетельствует о раннем заселении территории русскими, и зафиксированы большей частью в гидронимии. Участниками экспедиции записано совсем немного микропонимов предположительно нерусского происхождения, среди которых, однако, встречаются очень интересные этимологически, например: пок. *Котрово*, пок. *Егрово* (вар. *Игрово*).

С точки зрения генезиса субстратные названия Солигаличского района Костромской области, как кажется, крайне неоднородны. Так, названия на *-Vza*¹ (р. *Совега*, руч. *Печуга*, р. *Мизюга*) образуют ареал на севере Солигаличского района, на границе с Вологодской областью. Возможно, эти субстратные гидронимы связаны по происхождению с топонимией юго-востока Вологодской области (бассейн Юга и Сухоны) [см.: Востриков, 1979]. В этот же ареал входят названия рек *Воя* и *Сора* [см.: Матвеев, 2001б, 256–259, 277].

На территории Солигаличского района представлены также гидронимы с формантами *-киша/-хта*²: р. *Шелекша/Шилекша*, р. *Лёкша*, р. *Подокша/Поодакша/Подекша*, р. *Водокша*, р. *Серахта*.

Наименования на *-н(ь)га*: р. *Войманга*, р. *Лисьменка* (< **Лисьменга*), р. *Ясанга* – вообще с трудом поддаются языковой идентификации [см.: Матвеев, 2001б, 264].

¹ < фин. *joki*, карел.-ливв. *jogi*, люд. *d'ogi*, вепс. *d'ögi*, *jogi*, эст. *jõgi* = саам. норв. *jokkå*, ? мар. *jòуэ* 'течение, поток', коми *ju* 'река' [SKES, 118].

² < субстратное (прибалтийско-финско-саамско-волжское) *окса* ~ *охта* 'река, протока' [см.: Матвеев, 2000, 109–110].

Формант *-ма* (р. *Кухтома* (вариант *Куфтома*), р. *Шугома*, и, возможно, р. *Сельма*, р. *Мотьма*), скорее всего, не стоит отождествлять с приб.-фин. *таа* 'земля', так как на территории Костромской области (и исторических мерянских земель в целом) много подобных названий в гидронимии.

Складывается достаточно сложная картина, в которой, однако, наиболее определенно вырисовывается мерянский компонент или близкий к нему. На это указывают, во-первых, этнопонимы (р. *Мерская*), во-вторых, названия р. *Вёкса* и пок. *Котрово* [см.: Матвеев, 1996, 3–23; 2001а, 32–59]. Стоит заметить также, что и дифференцирующие форманты типа *-бал/-бол*, *-курга* в топонимии региона не представлены. Таким образом, напрашивается вывод о том, что территория нынешнего Солигаличского района (верховья р. Костромы) на момент заселения ее русскими представляла собой пограничную зону, где проживали сразу несколько финно-угорских этносов, оставивших нам пеструю и немногочисленную топонимию.

В Дьяконовском сельсовете Буйского района (территория, смежная с Солигаличским районом) складывается несколько иная картина топонимического субстрата. Слои названий нерусского происхождения более значителен. Обращает на себя внимание, во-первых, ареальная противопоставленность названий р. *Конногорь* (вариант *Конкогорь*), р. *Лынгерь*³ (левый берег р. Костромы) и р. *Печенга/Печеньга* (правый берег), подкрепленная этнографической особенностью левобережной Чудцы (куста деревень в Дьяконовском сельсовете). Вместе с тем р. Кордоболь, название которой включает мерянский формант *-бол*, впадает в р. Кострому справа.

Это лишь предварительные выводы по собранному материалу. Его дальнейшее изучение и сопоставление с топонимическим материалом смежных территорий позволит расширить сведения о карте расселения дорусского населения на обследованной территории.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.

Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1979.

Нетесин Дм. Солигалич [рукопись].

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // *Вопр. языкознания*. 1996. № 1. С. 3–23.

Матвеев А. К. Топонимические этимологии. XII // *Этимология*, 1997–1999. М., 2000. С. 106–115.

Матвеев А. К. Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // *Вопр. языкознания*. 2001а. № 5. С. 32–59.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург, 2001б.

СВЯ – *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972.

KKS – *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki. 1968–1997. О. 1–5.

SKES – *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. Helsinki, 1958–1981. О. 1–7. (LSFU. XII).

SSA – *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. SKST 556. Helsinki, 1992–2000. О. 1–3.

К. С. Верхотурова, студентка филологического факультета
Уральского государственного университета им. А. М. Горького,

Т. И. Киришева, аспирантка кафедры русского языка и общего языкознания
Уральского государственного университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

³ Форманты *-енга* и *-енгерь* одинаково соотносят с мар. *энгер* 'река', предполагая их различные языковые источники. Интересно, что относительно другого скопления топонимов на *-енгерь* – в Устьянском районе Архангельской области – нельзя решить, марийского или мерянского они происхождения [см.: Матвеев, 2001б, 285].